ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 3 | 2026. Volume 19. Issue 3
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Образ Александра I на фоне Заграничного похода русской армии: интерпретация французских газет

Латонова А. В.

Аннотация. Цель данной работы – выявить, как был отражен Заграничный поход русской армии 1813-1814 гг. на страницах французских газет, выпускавшихся в период его проведения. Автором изучается эволюция восприятия Александра I французскими газетчиками – от критики до восторга. Особое внимание уделено христианским репрезентациям российского императора и противопоставлению личных качеств Александра I и Наполеона на страницах французской прессы. Научная новизна работы заключается том, что в ней впервые воссоздан образ Александра I на страницах французских газет в период 1813-1814 гг. В результате анализа газетных публикаций в статье показано, что французская пресса претерпела кардинальное изменение в представлении читателям российского императора. Изначально акцентировались его мнимые слабости, но в дальнейшем на первый план вышли его стойкость, великодушие и миротворческие стремления, а также его человечность. Когда победа Александра I над Наполеоном была близка, французские газетчики создали российскому императору образ защитника мира в Европе. В то же время французские газеты представляли читателям Наполеона как угрозу миру и процветанию всех народов Европы.

EN

Image of Alexander I against the backdrop of the Foreign Campaign of the Russian Army: interpretation of French newspapers

A. V. Latonova

Abstract. The aim of this work is to identify how the Foreign Campaign of the Russian Army of 1813-1814 was reflected in the pages of French newspapers published during its execution. The author examines the evolution of French journalists' perception of Alexander I – from criticism to admiration. Special attention is paid to the Christian representations of the Russian emperor and the opposition between the personal qualities of Alexander I and Napoleon in the French press. The scientific novelty of the work lies in the fact that, for the first time, the image of Alexander I in French newspapers during the 1813-1814 period is reconstructed. As a result of analyzing newspaper publications, the article demonstrates that the French press underwent a radical shift in presenting the Russian emperor to its readers. Initially, his alleged weaknesses were emphasized, but subsequently his resilience, magnanimity, peacekeeping aspirations, and humanity came to the fore. When Alexander I's victory over Napoleon was near, French journalists shaped an image of the Russian emperor as a defender of peace in Europe. At the same time, French newspapers presented Napoleon to their readers as a threat to the peace and prosperity of all European nations.

Введение

Заграничный поход русской армии 1813-1814 гг., как известно, стал ключевым этапом низложения власти Наполеона и предопределил новое устройство Европы. И изучение вопроса о том, какое впечатление он произвел на современную ему публику, какое освещение получил в прессе – а тем более в прессе французской, с особым волнением следившей за развитием событий, – представляет значительный интерес для исследователя.

Актуальность данного исследования определяется тем, что современное взаимовосприятие наций – в частности русской и французской – имеет долгую предысторию и формируется на фоне длинной череды сменяющих друг друга событий. Для русско-французских отношений при этом вполне закономерно одним из наиболее ярких моментов соприкосновения было правление в России Александра I – с его участием в кампаниях против Наполеона и последующей поддержкой восстановленных на престоле Бурбонов.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260182

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Несмотря на обширную историографию, посвященную военным и дипломатическим аспектам Заграничного похода и Войны шестой коалиции, можно сказать, что вопрос об освещении событий журналистами «по ту сторону баррикад» пока остается в тени. В рамках данного исследования определены следующие задачи:

– проанализировать в выпусках столичных и провинциальных французских газет периода 1813-1814 гг. релевантные упоминания об Александре I в контексте событий Заграничного похода;

– сформулировать, как эволюционировал образ российского императора во французской прессе по мере развития Заграничного похода.

Методологической основой исследования является сравнительно-исторический метод с элементами имагологического анализа. Этот подход позволяет оценить формирование образа Александра I в период Заграничного похода, а также его изменение в общественном мнении через призму публикаций во французских газетах.

Источниковую базу исследования составили следующие французские газеты: “Gazette de France”, “Journal de la Côte-d’Or”, “Journal de la Lozère”, “Journal de l’Empire”, “Journal des débats politiques et littéraires”, “Journal du département de la Haute-Garonne”, “Journal du Gard”, “La Quotidienne”, “Le Mémorial bordelais: feuille politique et littéraire”, “Le Moniteur universel”, “Le Propagateur: journal administrative, politique et littéraire du département du Cher”, “Le Véridique: journal administratif, judiciaire, littéraire, commercial et politique du département de l’Hérault”, “L’Indicateur: ou journal du commerce, de nouvelles, de littérature et d'annonces”, “Mémorial administratif du département de l’Oise”, “Mercure de France: journal politique, littéraire et dramatique”, “Niederrheinischer Kurier”.

Теоретической базой исследования послужили работы историков по теме Заграничного похода русской армии, дополняющие друг друга. Труд А. П. Карцова (1855) удобен в качестве систематизации ключевых событий кампании 1813 г. Фундаментальные двухтомные исследования М. И. Богдановича (1863; 1865), где на основе архивных данных и офицерских донесений воссозданы отдельные этапы всего похода, дают исследователю большую детализацию. Современные оценки международных отношений в 1813-1814 гг. представлены в статье Н. А. Могилевского (2010), который фокусируется прежде всего на дипломатической стороне событий и анализирует значение русско-прусского союза и Калишского договора для стратегии союзной коалиции. Наконец, монография Бошампа (Beauchamp, 1817) дополняет отечественный взгляд на сущность и содержание Заграничного похода иностранным (более того – именно французским).

Практическая значимость представленного исследования состоит в возможности использования его материалов специалистами по международным отношениям, а также составителями учебных курсов по истории международных отношений и истории прессы.

Обсуждение и результаты

В первых числах наступившего 1814 г. французские газеты довели до сведения публики прокламацию Наполеона Бонапарта, где в числе прочего говорилось: «Как могла Европа забыть те торжественные провозглашения императора Александра, в которых он заявлял, что ради счастья своего народа и ради счастья всего мира он договорился с императором Наполеоном о средствах сохранения континентальной системы…? Разве он не объявил войну Англии? И когда Россия позже разорвала данные ей договоры, разве Пруссия, Австрия, Бавария и вся Германия не сражались под нашими знаменами за сохранение континентальной системы?» Как можно видеть, в ней звучат упреки как российскому императору – за нарушение унизительного Тильзитского мира семилетней давности, – так и веренице немецких княжеств, еще недавно вынужденно бывших сателлитами Франции, но теперь вновь поднявших голову. «Они по очереди объединяют свои армии с армиями России и даже выступают против Франции, которая теперь находится в пределах своих естественных границ!» – с негодованием добавлял французский император, находивший последнее обстоятельство поразительным и неприемлемым (Journal de l’Empire, 1814, p. 3; Gazette de France, 1814a, p. 19; Mercure de France…, 1814b, p. 91; L’Indicateur…, 1814, p. 1).

Однако констатации вероломства былых союзников было мало; цель прокламации была иной – подвести публику к мысли, что именно российский император, а не Наполеон, представляет угрозу для мира и процветания в Европе. Именно Россия, которая, как любезно напоминал император французов, на протяжении столетия последовательно сокрушала Швецию, делила Польшу, поглощала Крым, угрожала Кавказу и «жаждала престола Константина» (т. е. посягала на территории Османской Порты), а теперь «управляет Саксонией, контролирует Пруссию и, возможно, всю Германию» – эта Россия отныне направила свои «азиатские легионы» во Францию, которая «хочет лишь защитить свою территорию» (Journal de l’Empire, 1814, p. 3; Gazette de France, 1814a, p. 19; Mercure de France…, 1814b, p. 91; L’Indicateur…, 1814, p. 1).

Газеты ответственно перепечатали эту прокламацию, не сопроводив ее, впрочем, комментариями. Вместе с тем во французской прессе еще с 1813 г., когда французские войска были вытеснены за пределы России и было положено начало Освободительному походу русской армии, начали появляться по меньшей мере нейтральные оценки российского императора, которым со временем суждено было перейти на газетных страницах в откровенное обожание.

Так, выражая осуждение знаменитому прусскому юристу и реформатору Г. Ф. Штейну, консервативная имперская пресса Франции с удивлением отмечала, что хотя «печально известный Штейн является объектом презрения всех честных людей» (поскольку «хотел подстрекать чернь к восстанию против землевладельцев»), несмотря на это, «такие монархи, как король Пруссии, и особенно император Александр, которого природа одарила столькими прекрасными качествами, поддерживают столь преступные и чудовищные замыслы своим именем». В числе прочих своих достижений Штейн был одним из организаторов Русско-германского легиона, сыгравшего заметную роль в освобождении немецких земель от власти Наполеона, и поддержка его со стороны обоих императоров была вполне закономерна. Однако обратим внимание

на комплиментарный для Александра I оборот по поводу прекрасных качеств. Это первое откровенно позитивное оценочное суждение в его адрес из уст французских газетчиков в тот период (Le Moniteur universel, 1813b, p. 526; Gazette de France, 1813a, p. 555; Mémorial administratif du département de l'Oise, 1813, p. 1109; L'Indicateur…, 1813a, p. 5; Le Propagateur…, 1813b, p. 2; Journal de la Côte-d'Or, 1813b, p. 178; Niederrheinischer Kurier, 1813b, p. 1; Journal du département de la Haute-Garonne, 1813. 22 mai, p. 2; Journal du Gard, 1813. 22 mai, p. 3342; Le Véridique…, 1813a, p. 3635; Journal de la Lozère, 1813a, p. 234).

Число прекрасных качеств, с точки зрения прессы, со временем возрастало. В середине апреля 1813 г. Наполеон с войском выступил из Парижа навстречу союзникам, и 2 мая произошло сражение при Лютцене, завершившееся его победой. Казалось, ему удалось остановить продвижение армии союзников и существенно восстановить свою репутацию, подпорченную за 1812 и 1813 гг. (Ливен, 2012, с. 618). Русско-прусские объединенные силы были вынуждены отступить за Эльбу. Менее чем через три недели, 20-21 мая 1813 г., состоялось сражение при Баутцене – в котором военное счастье вновь оказалось на стороне Бонапарта, хотя он и понес заметные потери. Именно в эти дни множество французских газет перепечатывало на своих страницах известие – со слов пленных – о том, что на фоне поражения в битве при Баутцене российский император, не демонстрируя ни ярости, ни потери духа, шёл вдоль русской линии фронта, ободряя своих солдат словами: «Мужайтесь, с нами Бог» (Le Moniteur universel, 1813a, p. 510; Mercure de France…, 1813a, p. 335; Le Propagateur..., 1813a, p. 3; Journal de la Côte-d'Or. 1813a, p. 175; Niederrheinischer Kurier, 1813a, p. 3; Le Véridique…, 1813a, p. 3628; Journal du Gard. 1813a, p. 3340).

По свидетельству газет, российский император не терял самообладания в отличие от выглядевшего глубоко подавленным короля Пруссии. Несколько французских газет передавало, что Александр Павлович каждый день рано садился на коня и отправлялся на разведку. Его твердость и выдержка были такими, что – последнее не укрылось от прессы – прусский король в пылу досады заявил, будто все усилия его солдат оказались бесполезными еще в битве при Лютцене исключительно по вине русских, чья резервная армия прибыла к месту событий слишком поздно (Gazette de France, 1813b, p. 679; Mercure de France…, 1813b, p. 573; L'Indicateur…, 1813b, p. 2; Niederrheinischer Kurier, 1813c, p. 1).

В действительности неудачи союзников тогда были обусловлены целым рядом причин. Все приказы главнокомандующего П. Х. Витгенштейна требовали согласования с обоими монархами, что не лучшим образом сказывалось на оперативности реагирования. Союзные войска потратили много времени на развертывание, что свело на нет эффект внезапности их появления. Наполеон получил возможность постепенно подтянуть дополнительные силы (корпуса Мармона, Бертрана, Макдональда), что в конечном счете обеспечило ему численное преимущество. Более того: Витгенштейн ошибочно принял основную группировку наполеоновских войск за авангард, что смешало и тактику, и стратегию сражения. В конечном счете арьергарду под командованием генерала Милорадовича – на промедление которого и сетовал Фридрих Вильгельм III – не оставалось делать на поле боя ничего, кроме как обеспечить отход союзной армии на подготовленные позиции при Баутцене (Карцов 1885, с. 18-23; Богданович 1863, с. 163-196).

К мужеству воина в газетном облике Александра I, между тем, надлежало прибавить еще кое-что: человечность и доброту. Множество изданий сочли важным распространить сведения, согласно которым российский государь пожаловал значительную сумму денег вдове состоявшего советником при главной квартире союзных монархов генерала Ж. В. Моро, погибшего в результате ранения после битвы при Дрездене осенью 1813 г. (Le Moniteur universel, 1813c, p. 1148; Le Propagateur…, 1813c, p. 2; Journal de l'Empire, 1813b, p. 1; Gazette de France, 1813d, p. 1179; Journal du département de la Haute-Garonne, 1813b, p. 1; Le Véridique…, 1813c, p. 3886; Journal du Gard, 1813b, p. 3516; Journal de la Lozère, 1813b, p. 187).

Вполне очевидно, что симпатии французских газетчиков оказались не на стороне собственного императора, а на стороне его противника, которого Бонапарт стремился очернить. Заметим: во всех этих газетных отзывах в качестве того, кому армия была обязана своими успехами в противостоянии с Бонапартом (а Европа – тем самым своим освобождением), выводился лично российский император. В реальности при этом несомненна была заслуга военачальников (так, если говорить о русской их части, то можно вспомнить, например, М. И. Кутузова, который реформировал управление войсками и в целом сыграл заметную роль в формировании успешной стратегии войны) (Бескровный 1962, с. 595-596). Заметим и то, что оценки газетчиков в данном отношении определенно идут вразрез с существенным пластом мнений в историографическом поле (Брагин 1941). Впрочем, если, забегая вперед, говорить о переломившей ход войны Битве народов 4-7 (16-19) октября 1813 г., необходимо признать: действительно, в момент, когда Бонапарт лелеял намерение стянуть свои войска близ Лейпцига, что гарантировало бы ему перевес в борьбе, – чтобы этого не допустить, требовалось без промедления начать против него атаку, – и не кто иной, как именно Александр I сумел склонить к этому спасительному решению союзников (Шильдер, 1904, с. 168).

Разумеется, можно говорить о том, что власть Наполеона была не всем по нраву и внутри самой Франции, однако в рамках данной статьи хотелось бы остановить внимание на противоборстве репрезентаций двоих монархов в публичном поле. И если наполеоновскую парадигму мы очертили еще в начале статьи, то теперь обратимся к линии российского императора.

Еще на исходе 1812 г. – Заграничный поход начнется формально 1 (13) января 1813 г. – министр иностранных дел Российской империи Н. П. Румянцев писал Александру I, подводя итоги успешному изгнанию французских войск за российские пределы: «Провидение, государь, оказалось на Вашей стороне; Вы выполняете волю всевышнего; он избрал Вас, чтобы поручить Вам одному благородную и величественную задачу: успокоить страсти, раздирающие Европу и возмущающие ее спокойствие, и стать их примирителем…» (ВПР, 1962, с. 638).

В этом резюме содержится сразу два тезиса, которые уже очень скоро окажутся определяющими для репрезентаций (и саморепрезентаций) российского монарха. Это, с одной стороны, идея о Божьем промысле,

склонившем чашу весов в пользу русского оружия, а с другой – убеждение, что Александру I суждено стать миротворцем Европы. Подобные суждения не могли не быть близки русскому государю, который всего месяцем ранее, после затяжного периода неудач и переживаний, и сам писал сестре, что враг вот-вот будет оттеснен за границы империи *по воле Божьей* (курсив наш. – *А. Л.*) (Переписка императора Александра I…, 1910, с. 103). Со временем на почве той же рефлексии в душе Александра I сформируется концепция Священного союза христианских монархов, а пока христианская мораль будет звучать в каждой значимой публичной манифестации его самого или его генералов.

Так, обращаясь к воззванию главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова к населению Пруссии, обнародованному в конце декабря 1812 г., мы читаем: «Чувства умеренности, которые всегда характеризовали его [российского императора] политику, остаются неизменными и после решающих успехов, которыми божественное провидение благословило его справедливые усилия» (ВПР, 1962, с. 680). Сам император, стремясь склонить прусского коллегу ко вступлению в войну с Наполеоном в самый день Рождества по григорианскому календарю, также обрамлял свои аргументы христианской риторикой: «Исходя из моих принципов и религиозных убеждений, я стремлюсь платить добром за зло, и я буду удовлетворен лишь тогда, когда Пруссия возвратит себе весь прежний блеск и могущество» (ВПР, 1962, с. 667).

Дипломатические усилия русского монарха не сразу увенчались успехом – по свидетельству Гарденберга, король был холоден к уговорам, не веря ни в себя, ни в свой народ и считая, что Россия «увлекает его в пропасть» (Собрание трактатов и конвенций…, 1905, с. 70). Однако в прусском обществе и войске были сильны антифранцузские настроения, и общественное давление постепенно склонило Фридриха Вильгельма III к союзу с Россией (Могилевский, 2010, с. 31, 35). Не последнюю роль в обращении симпатий внутри Пруссии к России сыграл и самоотверженный шаг прусского генерала И. Д. Л. Йорка, который на свой страх и риск заключил 18 (30) декабря 1812 г. с русскими Таурогенскую конвенцию, согласно которой его корпус стал придерживаться нейтралитета (Могилевский, 2010, с. 30). Министр иностранных дел Н. П. Румянцев писал в этой связи начальнику штаба в корпусе Йорка, подполковнику Валентини 23 декабря 1812 г. (4 января 1813 г.): «Генерал Иорк заключил в отношении войск, состоящих под его командованием, конвенцию о нейтралитете, а е[го]. и[мператорское]. в[еличест]во повторил прямо королю заверения в подлинной и неизменной дружбе на всю жизнь; он заявил ему, что *всякий дух мести противоречит его религии и характеру* (курсив наш. – *А. Л.*); что он понимает, что король мог быть вовлечен силою обстоятельств в действия против России и что император в ответ на это даст торжественное обещание не прекращать войны до тех пор, пока Пруссии не будет возвращен весь ее прежний блеск и могущество, но что крайне важно, чтобы Пруссия немедленно присоединила все свои силы к силам России…» (ВПР, 1962, с. 656).

В конце концов, договор о мире, дружбе и наступательном и оборонительном союзе между королем прусским и императором всероссийским был подписан в Бреславле 15 (27) февраля 1813 г. с прусской стороны и 16 (28) февраля 1813 г. в Калише – с российской. И начинался он так: «Во имя пресвятой и нераздельной троицы. <…> Наступает время, когда договоры… снова могут быть соблюдаемы с тою религиозною верою, с тою священною ненарушимостью, от коих проистекает уважение, сила и сохранение государств» (ВПР, 1970, с. 66).

Руководствоваться христианской моралью российский император подчеркнуто стремился и при дальнейшем урегулировании. 17 (29) марта 1813 г. Кутузов доводил до сведения командующего корпусом Ф. В. Остен-Сакена, что в намерения государя входит, насколько возможно, избегать кровопролития, а потому «е. и. в-во счел для себя более достойным добиться мирными средствами того, что могло бы быть достигнуто при помощи силы» – в штаб должны были прибыть некоторые из бывших членов сейма, державшие путь к племяннику последнего польского короля, а ныне – наполеоновскому маршалу Ю. А. Понятовскому, чтобы со своей стороны просить его распустить польский корпус. Остен-Сакену вменялось в обязанность помочь им добраться до места назначения (ВПР, 1970, с. 125).

Однако союза с Пруссией вполне очевидно было недостаточно. Дипломатическая активность не прекращалась и в других направлениях. 24 декабря 1812 г. (5 января 1813 г.) посол в Лондоне Х. А. Ливен докладывал Н. П. Румянцеву, что счел возможным заверить британское министерство в отсутствии у Александра I каких-либо честолюбивых замыслов в войне с Наполеоном; российский дипломат прикладывал все усилия для того, чтобы убедить коллег из Туманного Альбиона в стремлении своего государя прежде всего восстановить устойчивый порядок вещей – и в том, что в этом смысле его интенции полностью отвечают английским (ВПР, 1962, с. 664).

Румянцев, в свою очередь, в тот же период передавал послу в Вене А. К. Разумовскому желание Александра I помочь сбросить французское владычество тирольцам. Представитель последних накануне посетил Петербург, и российский министр иностранных дел в качестве ответа русской стороны направил письмо представителю тирольского патриотического движения Иобилю. Румянцев писал, что российский император проявляет неустанный интерес к судьбе храбрых и стойких жителей Тироля и Форарльберга и глубоко сожалеет о том, что все их усилия отстоять свои учреждения и порядки пали под натиском грубой силы Наполеона. Но, как отмечалось в письме, «его [Александра Павловича] принципы не позволяют ему использовать ради собственной выгоды патриотические чувства этих народов, проявление которых сопряжено с большим риском». Тирольцы испрашивали у российского правительства финансовую помощь в размере 300 тысяч имперских флоринов; Александр I готов был передать в их распоряжение соответствующую сумму, но при условии, что побудительным мотивом для них в этом является твердое убеждение в возможности и необходимости свергнуть французское иго ради их собственных интересов, а не сама по себе эта помощь (ВПР, 1962, с. 635).

Что же касается Разумовского, то ему поручалось преподнести австрийскому императору Францу I эту помощь как свидетельство дружеских чувств Александра I к Австрии, в состав которой земли Тироля и Форарльберга

входили до поражения Австрии в войне Третьей коалиции в 1805 г. (Васильчиков, 1887, с. 429-430). Все эти усилия в совокупности не пропали даром. 15 (27) июня 1813 г. была подписана союзная конвенция между Россией, Пруссией и Австрией, открывавшаяся словами: «Во имя пресвятой и нераздельной троицы» (ВПР, 1970, с. 261). Этой же формулой будут предваряться далее договор о дружбе и оборонительном союзе между Россией и Австрией, заключенный в Теплице 28 августа (9 сентября) 1813 г. (ВПР, 1970, с. 374), союзный договор между Россией и курфюршеством Гессенским от 20 ноября (2 декабря) 1813 г. (ВПР, 1970, с. 489), договор о мире между Россией и Данией от 27 января (8 февраля) 1814 г. (ВПР, 1970, с. 563), договор об оборонительном союзе между Россией и Австрией, подписанный в Шомоне 17 февраля (1 марта) 1814 г. (ВПР, 1970, с. 592), и многие другие.

Однако, несмотря на кажущееся успешным развитие событий, в реальности отношения между союзными дворами были не такими гладкими. Одним из подтверждений тому служит написанное Александром I шведскому наследному принцу Карлу-Юхану 16 (28) июня 1813 г. Российский монарх сообщал, что в ближайшее время не имеет возможности для личной встречи потому, что ради общего блага должен оставаться вблизи австрийского коллеги, дабы укрепить его в намерениях, лишь постепенно становящихся все более благоприятными (ВПР, 1970, с. 271).

При этом, командируя вскоре к Карлу-Юхану генерал-майора К. О. Поццо-ди-Борго, Александр Павлович предупреждал последнего: похоже, шведский принц «замышляет планы, имеющие целью вмешательство во внутренние дела Франции, особенно на тот случай, если власть императора Наполеона ослабнет в результате поражений или совершенно исчезнет с гибелью ее носителя». Эти смутные интенции, по мысли российского императора, не требовали критики и вмешательства до тех пор, покуда сводятся к простой игре честолюбия и не приносят вреда в реальной политике. Однако, как он далее напоминал своему посланнику, основным аргументом, побудившим Карла-Юхана к участию в войне против Франции, остается данное ему обещание присоединить Норвегию к шведской короне – в случае победы над французами Дания оказалась бы в изоляции и была бы вынуждена уступить Швеции норвежские земли (ВПР, 1970, с. 348).

Таким образом, при всей прочувствованной риторике Александр I вовсе не обманывался в практических мотивах своих союзников, что позволяет оценивать пресловутую риторику как инструмент сознательной саморепрезентации. Еще одним свидетельством этого служит его чуть более ранняя инструкция тайному советнику Д. М. Алопеусу, который назначался главой миссии при прусском короле в звании и с правами чрезвычайного посланника и полномочного министра. Памятуя о моральной слабости и неустойчивости союзника («короля, у которого никогда не было веры в свои силы и который лишь с большим трудом может обрести эту веру, до такой степени его подавляют впечатления прошлого»), российский император настаивал на необходимости постоянного воздействия на последнего. «Будущее – вот картина, на которой должны останавливаться все наши взгляды, – писал он Алопеусу, – и всякие другие соображения, даже мысли о самых тягостных жертвах, должны исчезнуть перед той великой целью, к которой мы стремимся. Коль скоро она будет достигнута, Пруссия будет вознаграждена». Эту-то мысль и предстояло внушать Фридриху Вильгельму III – по рецепту Александра I, посредством убежденности, спокойной рассудительности и мягкости в обращении (ВПР, 1970, с. 141-142).

Аналогичные советы, иллюстрирующие тонкое понимание психологии отдельных лиц, русский государь давал Алопеусу и по части других фигур в прусском правительстве. Вот что, например, он рекомендовал в отношении канцлера Гарденберга: «Он [Гарденберг] склонен следовать возвышенным побуждениям... Однако он нуждается в поддержке. Самый легкий способ укрепить его на избранном пути – воздействовать на его самолюбие» (ВПР, 1970, с. 142).

Императорские инструкции еще одному дипломату, Ю. А. Головкину, демонстрируют также его внимание к людям и менее заметным. Александр I писал, что при вюртембергском дворе есть «один человек, некогда безвестный, а ныне пользующийся доверием короля, прошедший путь от конюшни до королевского кабинета», которого было бы хорошо иметь на своей стороне. Замечая, что обычно подобные люди падки на знаки уважения, государь полагался на Головкина в выборе конкретных форм воздействия и напоминал, что «благо должно свершиться» при «наименьшем сопротивлении» (ВПР, 1970, с. 504).

Однако мы совсем забыли о Наполеоне. Между тем еще в мае 1813 г. тот успел сменить концепцию в вопросе публичных репрезентаций. Теперь – как следовало из письма, врученного герцогу Виченцкому, – он говорил о мире, которого столь желают народы. Ради восстановления этого мира (как всеобщего, так и континентального) он подчеркнуто-благородно призывал созвать конгресс либо в Праге, либо в любом другом промежуточном месте на время пребывания воюющих держав. Ради этого – и только ради этого, разумеется, а никак не на фоне невозможности разбить российско-прусскую коалицию, – Бонапарт предлагал заключить перемирие или приостановить боевые действия на время проведения конгресса. Желая «избавить человечество от ненужного кровопролития», он поручал герцогу доставить письмо с соответствующим предложением российскому императору (Gazette de France, 1813c, p. 1138; L'Indicateur..., 1813c, p. 4).

В реальности попытка переговоров (местом которых действительно была избрана Прага) не принесла ничего, кроме перегруппировки сил и передышки для обеих враждующих сторон, да иначе и не могло быть – с учетом неискренности мотивов, на которых она предлагалась. К пользе союзников, за лето к коалиции, наконец, официально присоединились Великобритания, Швеция и Австрия. При этом, по свидетельству генерал-майора А. И. Чернышева, во время пражских переговоров Наполеону удалось внушить французскому общественному мнению мысль о полнейшей несовместимости условий союзников с национальным достоинством, а также уверенность, будто коалиция мечтает разделить Францию, доведя ее до позора и нищеты. Подобные слухи распространялись усилиями полиции и посредством частных писем (ВПР, 1970, с. 450).

Во французской прессе того же периода мы подобных суждений не обнаруживаем; более того, само майское письмо Наполеона просочится на ее страницы, как мы видели выше, только осенью 1813 г. Более того, первые из газетных выпусков с текстами наполеоновского письма были опубликованы не когда-нибудь, а именно 7 октября – в день переломившей ход войны Битвы народов под Лейпцигом, когда союзным войскам удалось решительно разбить Наполеона. В поле информационной же войны последний отнюдь не намерен был сдаваться и предпринял очередную попытку одурманить головы – попытку, которую требовалось разоблачить. Всё тот же Чернышев сообщал, что Бонапарт стремится обмануть французов, «внушив им превратные представления о том, каких условий мира можно ожидать ныне от коалиции, дабы тем легче навязать несчастному народу новые наборы», и необходимо «во что бы то ни стало лишить его этой возможности» (ВПР, 1970, с. 450).

В мае-июне, на фоне пражских переговоров, со стороны союзников не было выпущено в публичном поле никакого заявления, которое опровергало бы наполеоновские инсинуации; теперь, как настаивал генерал, для скорейшего достижения мира требовалось, чтобы Александр I («в качестве признанного вождя священной лиги») приказал в кратчайшие сроки составить документ, где от лица всех союзников объявлял бы Европе – и прежде всего французам – о том, какими чувствами он в действительности руководствуется, ведя войну, каково его отношение ко французскому народу – и что то отношение никоим образом не совместимо с желанием унизить эту нацию и сделать ее несчастной. Из манифеста должно было следовать, что единственной целью российского императора всегда было лишь освобождение народов Европы от узурпации Бонапарта. Завершаться же этот документ должен был конкретной и недвусмысленной декларацией об условиях мира, которые союзники готовы предложить французскому правительству (ВПР, 1970, с. 450-451).

В русле этих вполне оправданных идей и на фоне объявленного французским правительством набора 300 тыс. человек в армию, 1 декабря 1813 г. было опубликовано совместное заявление союзных держав. Находясь во Франкфурте-на-Майне и готовясь вступить в пределы Франции, они провозглашали, что ведут войну не с Францией, но противоборствуют желанию Наполеона господствовать в Европе, в то время как саму Францию желали бы видеть сильной и процветающей (ВПР, 1970, с. 486).

Отдельно Александр I нашел необходимым обратиться и к собственному войску (в свойственной себе манере приурочив это обращение к рождественскому дню 25 декабря 1813 г. (6 января 1814 г.)). Убежденный, что кротким поведением и великодушием в неприятельской земле оно скорее завоюет все сердца, нежели оружием, российский император призывал: «Забудем дела их [французов], понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку». Таким образом, в отличие от более формального коллективного обращения союзников к французам, здесь русский монарх вновь апеллировал к христианскому вероучению и его нормам: «любите враги ваша и ненавидящимо вас творите добро» (Богданович, 1865, с. 57). С некоторой задержкой, но его призывы достигли и сведения газетчиков. В провинциальной “Le Mémorial bordelais”, например, мы читаем следующее изложение александровского воззвания к солдатам (эти строки были опубликованы в пору вступления союзных войск в Париж): «Когда враг вторгся на нашу территорию, его преступления причинили нам много вреда; но гнев Божий в конце концов обрушился на него. Не будем подражать его примеру, но забудем о вреде, причиненном нам его враждой, и протянем ему руку дружбы и оливковую ветвь мира. Русская слава засияет ярче благодаря победе, которую мы одержим над собой, чем благодаря тем, которые мы одержали» (Le Mémorial bordelais…, 1814a, p. 1).

Нужно отметить, что российский император не обманулся в своих ожиданиях. По свидетельству прессы, народ, опьяненный радостью, толпился вокруг союзных монархов, едва те вступили во французские пределы. Крики «Да здравствует Александр! Да здравствует Вильгельм! Да здравствуют наши освободители!», повторяемые сотнями тысяч ртов, свидетельствовали о чувствах французской нации к «великодушным монархам, которые завоевали ее лишь для того, чтобы восстановить ее свободу». Писали, что «слова, которые император Александр обращал ко всем с отеческой добротой, вызывали слезы нежности у несчастных, чьи страдания они утешали»; что «особая доброта, с которой он принимал… знаки благодарности и уважения, оставила в сердцах неизгладимое впечатление». Передавая, что люди бросались к ногам русского монарха, сжимали его руки, колени, одежду, останавливали его коня, “Mercure de France” отмечала: газеты наконец могут писать правду. Энтузиазм публики, по ее же свидетельству, удвоился, когда было объявлено, что союзники не будут иметь дел с Бонапартом или кем-либо из членов его семьи и что они гарантируют конституцию, которую французская нация собирается принять сама (Mercure de France…, 1814a, p. 604).

Появившись во французском сенате 21 марта (2 апреля) 1814 г., Александр I дал еще ряд окрыливших слушателей обещаний. Назвав себя другом французского народа и приветствуя решение сената о лишении Наполеона власти и создании временного правительства, российский император обещал сенату свою поддержку. Кроме того, он уведомил собравшихся, что все французские военнопленные возвратятся из России на родину (Beauchamp, 1817, p. 412-413).

Пресса жадно ловила каждое произнесенное им слово. Почти десяток газет – и столичных, и провинциальных – как одна писали: «Нет ничего интереснее и трогательнее того, что произошло сегодня вечером на аудиенции Его Величества Императора России в Сенате. …“Человек, называвший себя моим союзником, – сказал император Александр, – прибыл в мои государства как несправедливый агрессор; именно против него я вел войну, а не против Франции; я друг французского народа… Справедливо и мудро дать Франции сильные и либеральные институты, соответствующие современному просвещению. Мои союзники и я пришли лишь для того, чтобы защитить свободу ваших решений. …Я возвращаю всех французских пленных, находящихся в России”». Сенат, по свидетельству газет, был охвачен чувством глубочайшей благодарности и величайшего восхищения (Le Moniteur universel, 1814b, p. 367; Gazette de France, 1814b, p. 368; Mémorial administratif du département

de l'Oise, 1814, p. 1313; Le Propagateur…, 1814, p. 2; Le Mémorial bordelaise…, 1814b, p. 1-2; Niederrheinischer Kurier, 1814, p. 3; Journal de la Lozère, 1814, p. 170; Journal du Gard, 1814, p. 3727).

Обещания свои российский самодержец сдержал, и начало их выполнению было положено немедленно. Как сообщала 3 апреля 1814 г. "Gazette de France", полторы сотни французов, прежде взятых в плен войсками Александра I, собрались на бульваре де ла Мадлен, напротив улицы Ровале, в ожидании своей участи. Им было объявлено, что они больше не являются пленниками – император Александр дарует им свободу от имени короля Людовика XVIII, и они могут вернуться к своим семьям (Gazette de France, 1814b, p. 369).

«Мы пришли не как завоеватели, мы ваши союзники»; «Я ношу французов в своем сердце», – в ту весну пресса коллекционировала подобные цитаты Александра I (Gazette de France, 1814b, p. 370). Его называли Александром Умеренным (Gazette de France, 1814b, p. 370) (как и предвещал немногим более года назад Румянцев), «великодушным» (Journal des débats politiques et littéraires, 1814, p. 4), «миротворцем Европы» (Gazette de France, 1814l, p. 660). Проводилась очевидная параллель: Бонапарт хотел занять все дворцы Европы – Александр I с союзниками даже не вошли в пустовавший до поры дворец короля Франции, устроившись на ночлег в самых простых апартаментах. На фоне подобной скромности в прессе писали, что союз между народами и королями стал куда более тесным; писали о воссоединении великой европейской семьи (Gazette de France, 1814c, p. 374).

До самого окончания своего пребывания в Париже в 1814 г. российский император пользовался всеобщим любопытством; в прессе писали, что, куда бы он ни направлялся – один или в компании других монархов, – всеобщие взгляды всегда были прикованы только к нему (Gazette de France, 1814m, p. 679). Согласно апрельскому сообщению одной из газет, на набережных и на прилавках типографий ежедневно появлялся его новый портрет, хотя «среди огромного количества этих гравюр ни одна не заслуживает истинного внимания», поскольку «черты этого величественного монарха, выражение откровенности и доброты, исходящее от его лица, еще не были в полной мере запечатлены». Влюбленным в российского императора парижанам оставалось надеяться, что тот позволит одному из французских живописцев написать его портрет, как полагается, а затем уже резцы лучших граверов воспроизвели бы его для всех желающих (Gazette de France, 1814e, p. 458).

Александр I, между тем, проявлял самое любезное внимание и интерес ко французским культурным и общественным заведениям. Так, например, судя по материалам газет, он посетил Королевскую библиотеку, где его познакомили с некоторыми трудящимися в ней учеными. После осмотра различных залов император остановился в том, где хранились китайские и другие восточные рукописи – и, как отмечается, заданные монархом вопросы демонстрировали, что он хорошо знаком с различными языками народов своей обширной империи (Gazette de France, 1814f, p. 503).

В другой раз перед Александром I была представлена делегация Общества поощрения национальной промышленности. Президент организации, г-н Чапталь, выразил российскому императору благодарность Общества за ту защиту, которую он находил важным оказывать ученым и художникам даже в разгар войны. Император, как передает газета, любезно ответил, что его величайшим желанием является процветание искусств по всей Европе и распространение цивилизации среди всех народов, и призвал членов Общества продолжать свою достойную работу. Затем он задал каждому из членов делегации несколько вопросов об их узких областях знаний и поинтересовался именем каждого, кто присутствовал на встрече (Gazette de France, 1814g, p. 511).

Подобная внимательность к людям не могла не трогать сердца, тем более что касалась она не только людей выдающихся. "Journal des débats", например, сообщал: «Император Александр в сопровождении всего трех офицеров вчера совершил поездку по северным бульварам. …Посетил сад, а затем госпиталь Сальпетриер. Этот щедрый и доброжелательный монарх передал слова мира и утешения всем нашим храбрым раненым солдатам в этом святилище страданий». Также отмечалось, что его величество хотел увидеть и медсестер, чтобы выразить благодарность за их благочестивый и самоотверженный труд во имя страдающего человечества. И снова на улицах со всех сторон раздавались возгласы: «Да здравствует великий Александр!» (Journal des débats politiques et littéraires, 1814, p. 3) Своим сочувствием российский император не обошел даже первую жену Наполеона Жозефину, о которой в этой связи писали, что ее последние дни не были лишены утешения, ведь ее почтил визитом «щедрейший из монархов» (La Quotidienne, 1814a, p. 2).

Отмечали любезность и изящество Александра I (Gazette de France, 1814h, p. 589), писали и о его простоте в обращении, грации сердца и рыцарственности. Последние качества наблюдатели подмечали, в частности, в день, когда герцог Беррийский попытался было проститься с ним у кареты со всей подобающей официальностью, но русский правитель просто и великодушно взял руку князя и с нежностью сжал ее (Gazette de France, 1814i, p. 613; Le Mémorial bordelais…, 1814c, p. 2).

За всеми этими визитами и любезностями, однако, вершилось главное. 18 (30) мая 1814 г. Александр I выпустил официальный манифест о заключении мира с Францией, в котором обратил к своим подданным следующие строки: «Тако возносит Бог уповающего на Него! Враги побегли от лица Нашего. (…) Тако гордого наказует Бог! …Повелеваем: да во всем пространстве Империи Нашей принесется торжественное молебствие милосердому Богу» (Полное собрание законов…, 1830, с. 789-790). Это было закономерное завершение линии, начавшейся с благодарения Богу за чудесное избавление русской земли от захватчиков. Стоит также отметить, что линия эта нашла свое отражение в воззваниях не только к русскому и французскому народам, но и ко всем другим, освобождаемым от наполеоновского ига. Приведем в качестве примера обращение командующего Польской армией Л. Л. Беннигсена к жителям Гамбурга: «Гамбуржцы! <…> Вы видели, как бог покарал и уничтожил тирана, коварством и насилием надевшего на вас… цепи» (ВПР, 1972, с. 10); «Вам известны возвышенные помыслы великого императора, моего повелителя. Он приобщил к ним своих подданных, и я надеюсь, что доказательством этому будет поведение вступающих в город русских войск» (ВПР, 1972, с. 11).

В заключение же обратим внимание на динамику оценок Александра I во французской прессе на протяжении двух лет. Читая на страницах сразу нескольких газет о том, как префект Сены и депутаты городского и департаментского советов 30-31 марта 1814 г. надеялись заслужить благосклонность русского государя к Парижу по тем пунктам, которые конвенция оставила на его усмотрение, а император с легкостью обещал им желаемое, трудно не вспомнить другую, более раннюю статью. Если теперь газеты с восторгом писали о том, что Александр I не стал ждать оглашения требований магистратов и сразу заверил их, что прибыл не как враг, что его войска и войска его союзников будут уважать людей, имущество, памятники – всё, что составляет богатство и славу столицы, – что магистраты попросили сохранить Национальную гвардию (согласно заключенной конвенции, та могла быть как сохранена, так и расформирована и разоружена), а император только и спросил, может ли он на нее рассчитывать, и, получив утвердительный ответ, ничего больше не потребовал в качестве гаранта – в этом читается восхищение легкостью души и простотой обращения монарха (Le Moniteur universel, 1814a, p. 612; Gazette de France, 1814j, p. 617; La Quotidienne, 1814b, p. 3).

Между тем годом ранее французская пресса приводила другой эпизод – и преподносила его с совсем иными акцентами, из которых следовало, что характеру российского правителя не хватает твердости, а следствием его легкомыслия служит излишняя свобода при его дворе. Рассказывали, будто обер-камергер Нарышкин получил от императора украшенный бриллиантами орден св. Андрея Первозванного, но, извечно испытывая финансовые трудности, всего через несколько дней заложил свою награду ростовщику. Тем временем при дворе готовилась торжественная церемония, куда необходимо было явиться с орденом. Нарышкин отправился к императорскому камердинеру, у которого на хранении находились еще два таких же ордена, один из которых принадлежал самому императору. Лестью и мольбой обер-камергер на один вечер выпросил у камердинера желаемое. Однако обман не удалось скрыть от самого Александра Павловича. «…Преступление не настолько серьезно, – якобы сказал Нарышкину тот, – однако сам я более не могу носить эту награду; поэтому я должен подарить ее тебе – при условии, что ты никогда больше не будешь предпринимать подобных действий». Мораль из приведенного анекдота выводилась журналистами отнюдь не в пользу доброты или иных положительных качеств самодержца; писали, что «именно это происходит с монархом, который считает, что завершил возрождение своей страны, и тем не менее во всех ветвях управления царят злоупотребления и беспорядок» (Journal de l’Empire, 1813a, 8 septembre, p. 2).

Тем примечательнее еще одна французская газетная заметка от июня 1814 г., знакомящая читателя с успехами внутренней политики Александра I. Из нее французская публика узнавала, что, взойдя на престол, император обнаружил ряд злоупотреблений, требующих реформ в администрации; больших преобразований ожидала также военная отрасль и сфера образования. Эти перемены, как пишет “Gazette de France”, Александр Павлович осуществил «с той мудростью, которая характерна для всего его правления»: он улучшил условия офицерской службы, создал резервные кавалерийские эскадроны, обеспечил солдат лучшей одеждой, подобрав ее в соответствии с климатом, вернул полкам их прежнюю оригинальную форму, упраздненную было Павлом I; армия была вновь разделена на двадцать пять дивизий, включавших по три кавалерийских полка, четыре пехотных и т. д. Подобные описания никак не сочетались с прежним убеждением в царящем внутри Российской империи при Александре I беспорядке (Gazette de France, 1814k, p. 642).

Другой диаметральный переворот оценок мы встречаем по поводу оставления русскими в 1812 г. Москвы – так, как описывали его во французских газетах в 1812 г. и, уже постфактум, в 1814 г. Если на момент осени 1812 г. в вину российскому императору вменялась преступная апатия, безвольность и равнодушие, либо и вовсе отсутствие здравого смысла на фоне внешне спокойного предания древней столицы в руки противника (Le Moniteur universel, 1812, p. 1144; Journal de l’Empire, 1812, p. 2; Gazette de France, 1812, p. 1162; L’Indicateur (Bordeaux), 1812, p. 3), то теперь всё преподносилось в другом свете. В апреле 1814 г. в одной из газет приводилась прокламация, с которой Александр I обратился к соотечественникам, когда Москву занял Бонапарт. Прокламация не только приводилась без купюр (включая идеологически-важный для верной ее трактовки оборот «Однако слава Российской империи не запятнана этим событием…»), но и расценивалась в качестве «драгоценного памятника стойкости в невзгодах и истинного великодушия», в котором можно было даже найти «предвидение событий и объявление о благожелательных намерениях, которые этот правитель впоследствии проявит по отношению к французам» (Gazette de France, 1814d, p. 450).

Заключение

Проведенный анализ источников позволяет утверждать, что образ Александра I во французской прессе в период Заграничного похода русской армии 1813-1814 гг. существенно преобразился, сменившись к концу 1814 г. на диаметрально противоположный в сравнении с началом 1813 г.

Первоначальное пренебрежение и критика в адрес российского императора уступили во французской прессе с конца 1812 г. по середину 1814 г. место преклонению и восторгу (особенно ярко такая смена вектора проявилась, пожалуй, на страницах “Gazette de France”). Газеты подчеркивали его стойкость и великодушие, с одной стороны, а также простоту, ласковость, скромность и человечность – с другой. Как представляется, значительную роль в такой перемене сыграл не только факт объективной победы российского императора в противостоянии с Наполеоном, но и стратегия саморепрезентации Александра I.

Исследование показало, что французские газетчики не только участвовали в формировании благородного образа российского императора, но и противопоставляли его стремительно терявшему обаяние образу императора французского. Ближе к середине 1814 г. Наполеон уже позиционировался как угроза миру и всеобщему

процветанию. Этот контраст стал одним из элементов информационной войны в период Заграничного похода, существенно повлияв на восприятие русской армии и ее целей.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно обозначить изучение образа Александра I во французской прессе в более поздний период на фоне других этапов его внешней политики, которая все так же оказывала непосредственное влияние на судьбу Франции.

Материалы исследования | Research materials

1. ВПР – Внешняя политика России XIX и начала XX века. М.: Госполитиздат, 1962. Сер. 1. Т. 6.
2. ВПР. М.: Госполитиздат, 1970. Сер. 1. Т. 7.
3. ВПР. М.: Госполитиздат, 1972. Сер. 1. Т. 8.
4. Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / [сост.] великий князь Николай Михайлович. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910.
5. Полное собрание законов Российской империи. / сост. М. М. Сперанский [и др.]. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXII. 1812-1815 гг.
6. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами / сост. и отв. ред. Ф. Ф. Мартенс. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1905. Т. 14. Трактаты с Францией. 1807-1820.
7. Gazette de France. 1812. 17 octobre.
8. Gazette de France. 1813a. 16 mai.
9. Gazette de France. 1813b. 17 juin.
10. Gazette de France. 1813c. 7 octobre.
11. Gazette de France. 1813d. 21 octobre.
12. Gazette de France. 1814a. 5 janvier.
13. Gazette de France. 1814b. 3 avril.
14. Gazette de France. 1814c. 4 avril.
15. Gazette de France. 1814d. 23 avril.
16. Gazette de France. 1814e. 25 avril.
17. Gazette de France. 1814f. 6 mai.
18. Gazette de France. 1814g. 8 mai.
19. Gazette de France. 1814h. 28 mai.
20. Gazette de France. 1814i. 3 juin.
21. Gazette de France. 1814j. 4 juin.
22. Gazette de France. 1814k. 10 juin.
23. Gazette de France. 1814l. 16 juin.
24. Gazette de France. 1814m. 20 juin.
25. Journal de la Côte-d'Or. 1813a. 16 mai.
26. Journal de la Côte-d'Or. 1813b. 20 mai.
27. Journal de la Lozère. 1813a. 25 mai.
28. Journal de la Lozère. 1813b. 25 octobre.
29. Journal de la Lozère. 1814. 15 avril.
30. Journal de l'Empire. 1812. 17 octobre.
31. Journal de l'Empire. 1813a. 8 septembre.
32. Journal de l'Empire. 1813b. 15 octobre.
33. Journal de l'Empire. 1814. 4 janvier.
34. Journal des débats politiques et littéraires. 1814. 2 avril.
35. Journal du département de la Haute-Garonne. 1813a. 22 mai.
36. Journal du département de la Haute-Garonne. 1813b. 21 octobre.
37. Journal du Gard. 1813a. 22 mai.
38. Journal du Gard. 1813b. 23 octobre.
39. Journal du Gard. 1814. 23 avril.
40. La Quotidienne. 1814a. 1 juin.
41. La Quotidienne. 1814b. 4 juin.
42. Le Mémorial bordelais: feuille politique et littéraire. 1814a. 29 mars.
43. Le Mémorial bordelais: feuille politique et littéraire. 1814b. 13 avril.
44. Le Mémorial bordelais: feuille politique et littéraire. 1814c. 8 juin.
45. Le Moniteur universel. 1812. 16 octobre.
46. Le Moniteur universel. 1813a. 11 mai.
47. Le Moniteur universel. 1813b. 15 mai.
48. Le Moniteur universel. 1813c. 14 octobre.
49. Le Moniteur universel. 1814a. 3 avril.
50. Le Moniteur universel. 1814b. 3 juin.
51. Le Propagateur: journal administratif, politique et littéraire du département du Cher. 1813a. 15 mai.
52. Le Propagateur: journal administratif, politique et littéraire du département du Cher. 1813b. 19 mai.

53. Le Propagateur: journal administratif, politique et littéraire du département du Cher. 1813c. 20 octobre.
54. Le Propagateur: journal administratif, politique et littéraire du département du Cher. 1814. 9 avril.
55. Le Véridique: journal administratif, judiciaire, littéraire, commercial et politique du département de l'Hérault. 1813. 18 mai.
56. Le Véridique: journal administratif, judiciaire, littéraire, commercial et politique du département de l'Hérault. 1813a. 23 mai.
57. Le Véridique: journal administratif, judiciaire, littéraire, commercial et politique du département de l'Hérault. 1813b. 21 octobre.
58. L'Indicateur. Bordeaux. 1812. 21 octobre.
59. L'Indicateur: ou journal du commerce, de nouvelles, de littérature et d'annonces. 1813a. 18 mai.
60. L'Indicateur: ou journal du commerce, de nouvelles, de littérature et d'annonces. 1813b. 22 juin.
61. L'Indicateur: ou journal du commerce, de nouvelles, de littérature et d'annonces. 1813c. 13 octobre.
62. L'Indicateur: ou journal du commerce, de nouvelles, de littérature et d'annonces. 1814. 9 janvier.
63. Mémorial administratif du département de l'Oise. 1813. 18 mai.
64. Mémorial administratif du département de l'Oise. 1814. 7 avril.
65. Mercure de France: journal politique, littéraire et dramatique. 1813a. 15 mai.
66. Mercure de France: journal politique, littéraire et dramatique. 1813b. 19 juin.
67. Mercure de France: journal politique, littéraire et dramatique. 1814a. 1 janvier.
68. Mercure de France: journal politique, littéraire et dramatique. 1814b. 8 janvier.
69. Niederrheinischer Kurier. 1813a. 16 mai.
70. Niederrheinischer Kurier. 1813b. 20 mai.
71. Niederrheinischer Kurier. 1813c. 22 juin.
72. Niederrheinischer Kurier. 1814. 14 avril.

Источники | References

1. Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.
2. Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам // Сочинения генерала М. Богдановича. СПб.: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1863. Т. 1.
3. Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам // Сочинения генерал-лейтенанта М. Богдановича. СПб.: Типография В. Спиридонова, 1865. Т. 1: Заключающий в себе описание событий от прибытия союзников на Рейн до заключения мира.
4. Брагин М. Разгром Наполеона русской армией // Военно-исторический журнал. 1941. № 6-7.
5. Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. Т. 4: Светлейший князь Андрей Кириллович. Ч. 2.
6. Карцов А. П. Военно-исторический обзор войны 1813 года / сост. гвардии генерал штаба полковник А. П. Карцов на основании Наставления для образования воспитанников сих заведений, высоч. утв. 24 дек. 1848 г. СПб.: Типография Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1855.
7. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807-1814 / пер. с англ. А. Ю. Петрова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
8. Могилевский Н. А. Образование русско-прусского союза в 1813 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 5.
9. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1904. Т. 2.
10. Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814 et de 1815, t. 2, s. 1. P.: Le Normant, 1817.

Информация об авторах | Author information

RU **Латонова Анастасия Вячеславовна**[1], к. ист. н.
[1] Российский государственный гуманитарный университет

EN **Anastasiia Vyacheslavovna Latonova**[1], PhD
[1] Russian State University for the Humanities

[1] *iskrenne_vasha_aa@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.05.2026; опубликовано online (published online): 31.07.2026.

Ключевые слова (keywords): имагология; Александр I; Заграничный поход; французская пресса; история международных отношений; imagology; Alexander I; Foreign Campaign; French press; history of international.